

Мбра

БУДНИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

ЕГОР
ЕРМОЛОВ

Егор Александрович Ермолов

Умбра: будни Древнего Египта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70237270

SelfPub; 2024

Аннотация

Древний Египет. Что в первую очередь приходит на ум? Пирамиды, фараоны, бескрайние пески или великая река Нил? Это отрывок из истории обычных граждан, которые оказались в непростой жизненной ситуации: один задолжал крупную сумму денег; другой, в попытках помочь своему другу, стремиться открыть прибыльное дело. На этом нелёгком пути, их сопровождает мистика, разногласие и бесчеловечная жестокость.

Содержание

Пролог	4
Мои права – мои законы	6
Египетская ночь или странное происшествие	9
Ослепительная красавица	19
Последний вопрос	24
Конечный рывок	26
Иллюзия недомерка	32
Эпилог	47

Егор Ермолов

Умбра: будни Древнего Египта

"Стал ли чистым воздухом, хлебом и лекарством для друга своего? Иной не в силах освободиться от собственных цепей, однако друга своего спасёт" – Фридрих Ницше

"Позвольте согласиться с вами, ибо то, что вы именуете под завесой метафор – не иначе как есть альтруизм, который воспитывается с рождения: в любящей и думающей семье. Эгоизм же, точнее его нездоровая форма, идёт от недостатка, и того, и другого" – Автор

Пролог

Однажды мелкий торговец, и по совместительству, житель Египта по имени Салах получил большой и непосильный по тем временам долг: два золотых, четыре серебряных и двадцать шесть медных монет. Из-за чего впал в кризисную ситуацию.

Банки, появившиеся впервые только в этой стране, отличались простотой по той причине, что займы выдавались практически любому порядочному жителю, имевшему движимое недвижимое имущество. Наш герой получил такую проблему впервые, поэтому ему нужно было только оплатить задолженное одним из двух способов, либо переписать недвижимость на банк, или выплатить налогом. Так как мужчина, мягко скажем, не богатый, то ему пришлось отдать всё имущество: дом, верблюда, товарные принадлежности и прочие вещи. Всего этого не хватило, чтобы покрыть долг.

Мать Салаха Агдалия, отличалась трудолюбием к своей ничтожной работе, которая была доступна практически всем женщинам её положения – шитьё простой одежды. Своего сына, она очень любила и старалась уделять ему достаточно своего внимания, однако был отец Ханбаль, считавший, будто материнские наставления могут не только замедлить взросление мальчика, но даже наоборот, подавить нужные для этого качества. Сам мужчина работал хлебодаром: делал хлебобулочные изделия. Мальчик понимал, что отцовское воспитание для него пойдёт на пользу, и поэтому большую часть своего времени проводил в досуге старшего члена семьи. Про мать он тоже старался не забывать. Лучшим советником Салаха стал его дедушка-рыбак Разим, а позднее, человек по имени Махмуд.

Мои права – мои законы

Наступил вечер в Египте – период, когда детвора после активных побегушек, прятков, салок и прочих занятий на свежем воздухе, по зову материнского сердца возвращались в свои дома ложиться спать. Люди богатые, властные устраивали роскошные пиры или решали за разговорами политические задачи, хитрости, уловки для повышения имиджа, власти над простолюдинами, как они их называли. Путники с расчётными купцами по большей части засиживались в харчевнях. Такие заведения были популярны, и в какое-то мере, доступны. Лишь нищие сидели в закромах, выпрашивая кромки еды, но они не выходили в открытую, так как многие районы патрулировали стражники, а уж тем более те улицы, которые вели к главному храму в котором жил почитаемый простым народом, фараон. Кроме патрулей были меджаи¹. В это время на одном из тихих закоулков города стояли двое по голосу мужчин, лицом друг к другу и о чём-то разговаривали.

Я согласен, случай не простой в таком то положении. – ответил, обращённый лицом к выходу.

---

¹ **Меджаи** – элитные войска, которые служили и действовали в качестве разведчиков в пустыне и защитников областей, представляющих интерес для фараонов

Это понятно, но меня больше интересует решение этой проблемы – сказал, стоящий спиной к выходу – Потому мы с тобой собрались здесь, чтобы найти совместно этот выход из ситуации.

Не уверен и не знаю. Смогу ли в полной мере своих сил помочь тебе, чем требуется, и любой ли ценою? – ответил спешно и смущённо человек первый – Я не сильнее Аписа

Твоё присутствие и твоя поддержка куда важнее остального. Иначе без тебя у меня будет "Голова с плеч, душа слечь" – убедительно прошептал ему второй.

Другой, почёсывая затылок, думал, то ли о своём, или просто делал такой вид, но не прошла и минута, как он высказал свой вердикт пострадавшему:

– Не волнуйся мой дорогой друг, не буду же я оставлять тебя на вельможей произвол, и в наги на суд перекрёстного пути. Помогу, как брату своему —

Приятель же ничего не говорил, лишь глупо таращился на араба в ожидание нужного момента.

Спасибо Махмуд, не пренебрёг ты честью и долгом дружеским, я не сомневался – ответил переполненный радостью египтянин.

Постой, – сказал с полной решимостью Махмуд – *Но к тебе у меня будет одно очень важное требование*

Салах насторожился, а после поинтересовался на счёт этого требования. Некоторый промежуток времени товарищ молчал, затем толи усмехнулся, толи улыбнулся, смотря на своего терпеливого собеседника насмешливыми глазами.

– Постарайся остаться в живых, ведь так будет лучше как мне, так и тебе —

Египетская ночь или странное происшествие

Салах одобрительно кивнул и после этого, Махмуд пригласил его к себе домой, так как он понимал, что тому некуда идти в такое позднее время. Друзья перебрались в нижний Египет и прошли около двух километров от реки Нил, где стояла нужная хибара. Со стороны она конечно была похожа на жилище бедняка: также сделана из жёлтого кирпича, высушенном на палящем солнце. Форточки, прикованные к верхней части стены для вентиляции помещения, не выделяли их от окон плебеев. Они были забиты тряпичными лоскутами, чьё качество не пощадило время. Гость почувствовал при входе в первую комнату резкий холод. Хотя на улице стояла прохлада, однако, по крайней мере, дом в течение дня должен прогреться в дневной жаре, а здесь, наоборот – подумал Салах, делая вид, будто он этого не заметил

– "Подумаешь, всего лишь обычный сквозняк от двери, сейчас мы закроем её, растопим земляную печь, зажжём светильники и тем самым обогреем комнату от острой холодрыги, бьющей по рукам и ногам " —

В доме царила темнота: только силуэты объектов можно было разглядеть под падающим с улицы лунным светом. Тем временем, Махмуд разжёг огонь в углублении центра комна-

ты, постепенно предметы интерьера становились более различимы.

Также рябели светильники, но, несмотря на всё это, через какое-то время, тепло ощущалось исключительно рядом с очагом, а на других местах чувствовался неприятный озноб, особенно в соседней комнате, которая находилось дальше всех. Именно в ней бродил хозяин дома, разглядывая в ней, видимо важную, неизвестную для предположений Салаха, вещь.

Египтянин сел около огонька, скрестив ноги, затем принялся ждать Махмуда пока тот не придёт. Ожидание проходило в шуме, однако, когда стало тише, к нему вернулся друг. Хозяин принёс плоское, глиняное блюдо на которой лежал скудный набор фруктов: маленькая веточка, слегка забродившего по виду, красного винограда, и немного, ощутимо подсохших фиников. После, поставил её рядом со своим товарищем сев от него с левого бока. Было очевидно, что он предлагал ему перекусить, ибо в силу вежливости тот не откажет. Поэтому во время трапезы они начали обсуждать решение проблемы.

Пока мы шли сюда с тобой, – первым начал разговор Махмуд в воодушевлённом тоне, будто его осенила неведомая мысль – *я обдумал взвешенный и более выгодный для нас выход. Предлагаю создать общее ремесло, которое*

даст зачаток нашей прибыли

То есть, – усомнился Салах – покрывает мою задолженность?

– Именно, е что пождать немного, а там Птах с нами

Скорее Баал – шёпотом пробормотал слушатель

Собеседник, по-видимому, воодушевился столь гениальной, как ему казалось, идеей. Многим она покажется вполне разумной, логичной, а единицы возразят, что это глупые ребяческие мечтания далёкого от подобного дела, человека.

Каково твоё мнение Салах!? – спросил Махмуд

Сын Ханбаля весьма продолжительное время переваривал суть вопроса: взвешивал обе стороны, чтобы прийти к взаимному соглашению. Ему не хотелось задевать друга, однако желание прогибаться тоже отсутствовало.

Я выслушал тебя, ведь меня удивила такая идея, ибо есть что сказать – монотонно проговорил Салах, додумывая последующую речь – *Конечно, по моему мнению, эдакая задумка очень уместна, я бы даже сказал достой-*

ная и в какой-то степени мудрая; но быстрее Нил сойдёт, чем дело пойдёт

Такое слегка неожиданное противоречие вызвало непонимание в плане доскональности, поэтому другой хотел его об этом спросить, но тот сам ответил:

– Кабы хорошо пойдёт, мы не сможем избавиться от влияния их него, ведь воли не будет свернуться в худшие дни и титул «свобода» никогда не вернуть —

Оба молчали, наблюдая красно покачивающийся танец маленького огонька под треск тления и фруктового бражничества. На Салаха посмотрел Махмуд, который впоследствии спросил своего друга о дальнейших планах, вглядываясь рассеянными очами в пустую стену.

– Когда я внял происходящее, то, в конце концов, упёрся в некоторые идеи скорбной хваткой. Как ты понимаешь... —

Должник пронзил товарища своими глазами, полными глубокой меланхолии. Это были совсем чуждые чувства для этого человека.

Мне она не нравится, ибо думать о таком даже не ве-

жа и постыдно! – твёрдо говорил он – *В земном, а уж тем более в загробном царствах уходя к упоенью по слабости нашей, проходя по трапе универсума тёмного, становится на судебные чаши Анубиса ... Но я обязан сказать, возможно, это единственный выход, А именно украсть каждого Утена² меди людского и...*—

Его перебил Махмуд, делая упрёки для замены этой мысли в крайности положения дела и настоял озвучить другую, ведь сам ощущал надвигающуюся склонность к усталости, которая могла перерасти в опьянённую дремоту. Наверное, хозяин дома ещё понимал, что дальнейшая беседа, в такой поздний час, будет не уместна. Салаха тоже клонило на боковую, потому он не стал перечить своей сонливости.

Ну, конечное предложение будет начать новое солнцестояние и переселится в затишный, хотя и не самый славный кемет³ – сказал гость. Обратного слова от собеседника так и не было слышно.

Тем временем, подсознание каждого из них подсказывало необходимость ложиться спать, с целью возврата трезвого взгляда, которое сладко манило своим не вольным искушением. Однако размеренность чувств, спокойствие духа, ощу-

---

² Утен – счётная денежная единица Древнего Египта

³ Кемет (егип. "Чёрная земля") – плодородные земли, орошаемые водами Нила

щение безразличия, сменилось в один лишь момент на любопытство, вызвавшее лёгкое, неосознаваемое волнение ледяного мышления жреческого разума и в конце концов, бегущей логике, похожей на угарные рассказы крестьянского чёрта, а также с предвкушением необдуманного по ухищрению инакомыслящих, здравого смысла, которые испытывал Салах пристально смотря своими глубокими в свете ночи, нежно мужественными с частичкой грубости, глазами, лишь невозмутимым в крайность взглядом на это. Его же друг находился в состоянии полусонной думы.

Египтянин увидел в углу сгусток тени, который не рассеивался под разбрасываемые лучи от висевшего рядом факела. В спокойном тоне, будто это было для него обычное бытовое явление, он спросил Махмуда о ней. Араб перевёл глаза с полной пустоты на данное место и сразу отвернул их к своему взволнованному товарищу, оставаясь с непоколебимым лицом.

Ты можешь удивиться, но я привык к этому, ибо в постоянстве их находился – убедительно говорил Махмуд, показывая на все углы комнаты.

Хозяин дома хотел встать, однако из-за резкого подъёма у него закружилась голова, потому устоять ему было сложно. Пройдя к дверному косяку в соседнюю комнату, его худощавый, но стойкий торс развернулся в сторону удивлённого

друга.

Признаться, спина действительно выглядела как твёрдый, мощный хитиновый панцирь хладнокровной рептилии. От её общей формы, даже самый бесстрашный неверный охватиться приступом сильного страха. Тот понял, по какой воле мужчина смотрел на него и интуитивно сказал:

– *Я полетаю немного в мыслях. Ты, надеюсь, не возмущаешься?* – Махмуд, после таких изысканных шуток начал переваривать у себя в голове весь смысл заложенного юмора в ней. Он одобрительно кивнул.

Да защитит тебя Туту – бросил пожелание Салах, в след уходящему за темную завесу соседней комнаты, силуэту

Помещение, вошедшего туда человека, отличалась от предыдущей лишь большинством находящихся там малым количеством предметов с одеждой, отмечавшие в себе простоту с практическим задатком, не акцентируя внимание на роскоши, а уж тем более зловещему убранству. Слабое тепло очага не доходило до чертога этой комнаты, сохраняя в ней стужу, служившую как место телесного отдыха.

Увидев лежак в правом углу левой стены, пьяница подошёл к нему и лёг ничком по желанию своих потребностей. Вскоре, визитёр прилёт у противоположной стены.

Шёл поздний час ночи. Ярko светящиеся на небосводе

звёзды сильно манили любопытные очи, посмотреть на них. Возможно все боги, даже самые чёрствые, гнусные или просто всезнающие, заядлые верховенства, находили в этом хотя бы небольшую долю новизны, будто сам Амон Ра воссоздал ночное чудо для соратников своих и простого народа, дав очередную загадочно-бессонную ночь в руки педантичных звездочётов.

Трудно представить ту атмосферу спокойствия, царившую в этой бескрайней, пустынной земле. Лишь один из героев, испытал чужеродные чувства.

Салах истекал потом, катившимся со лба и вдоль тела в потоке тяжёлого дыхания прелым воздухом. Его состояние напоминало лихорадочные приступы из-за характерных признаков резких глубоких вдохов. Остальные намёки, такие как жар, с покраснением кожи, отсутствовали или не были заметны ни вооружённым оком. Так он проспал всю оставшуюся ночь. Только сосед дремал без движения, посапывая «детским» сном.

Кемета песок, меня окружил

Отпущение мучения, колит сердце сильнее.

Страшной жаре, далеко к наслажденью.

Отыскать мне оазис в обители зла, в обители боли,

Лишь воля ведёт моё тело и ноги...

Только солнца волна, покрывает меня

И без силы воды, убиваю себя.

*Я, кончая идти, до бескрайних границ
упаду на песок, без оставшихся сил...*

////////////////////////////////////

Автор данных стихотворных строк, неизвестен и по сей день. Оригинальная рукопись была обнаружена в одном из российских архивов середины XIX века. Точная дата самой письменности не выяснена, но предположительно можно отнести к XVI–XVII веков нашей эры. Место изъятия малоизвестно, однако по некоторым версиям это могло произойти во время Русско-турецкой войны 1672–1681 годах на территории Украины. До нынешнего года, оно находилось в секретности.

////////////////////////////////////

От широко падающих через щель лучей солнечного света, прямо в лицо, просыпается Салах. На нём читался "Кислый взгляд", что заметил вовремя вошедший друг. Сонливец, оторвав свою мужественную спину от достаточно мягкой настилки, привстал, дабы прийти в полное сознание после беспокойной для него ночи. Затем спросил своего собеседника:

– Видимо...исполнилось моё пожелание? —

Конечно, – тут же ответил Махмуд – почему ты спраши-

ваешь?

Тот препарировал вопрос своим уклонным и бессвязным бормотанием. Его товарищ не придирался к ответу. Вскоре, собравшись, они вышли из загадочного дома, затем пошли по улицам уже наполненным людьми.

Ослепительная красавица

Каждый день, начиная с просыпающимися лучами солнца, а заканчивая его последним уходящим светом, жители Египта возвращают городскую жизнь своим живым присутствием. Местные и приезжие торговцы продавали разнообразные бытовые безделушки потенциальным покупателям, однако богатые лица обменивались товарами по добротнее: ткани, роскошные одеяния, кинжалы, огромное множество мебельного убранства для зажиточных людей.

В этом промежутке времени, стражники соблюдали абсолютную бдительность, ибо возможные плебеи, воров могли в одну секунду совершить кражу или разбойное нападение. Конечно, второе случалось реже первого, ведь намного проще слиться в толпе, проходящих мимо лавки людей, быстрыми движениями руки схватить первую попавшуюся в глаза вещь, пропажу которой, торговец мог не заметить. Но даже если заметит или к тому же позовёт стражу, то у преступника будут высокие шансы ускользнуть среди толкучки, чтобы быстро сбежать, спрятавшись среди шумных групп египтян. Чаще всего им удавалось унести с собой несколько предметов, общей стоимостью не больше одного Утена меди.

Что касается последнего (второго), то тут было всё сложнее. Такие действия как массовый грабёж и тому подобное, вызывали много лишнего шума, что провоцировало в боль-

шом радиусе от совершения незаконных поступков, неистовую панику. Инстинктивной реакцией будет расстроенная давка похожая на испуганную лань, бегущую от свирепого и голодного шакала.

Вследствие этого, группа бандитов визуально станет уязвимой в руках суровых, правосудных, первобытных исполнителей власти, как хищные звери, загнанные в тупик грозными медведями.

Герои нашего рассказа молчаливо шли друг за другом по обширным песчаным тропинкам, площадь которых не уплотнялось под присутствием на ней малого числа разнокоренного народа. Стояла засмердевшая жара, создававшая чересчур злые огненные лучи ясного, зенитного солнца вместе с “убийственно” засохшим воздухом. Такое яростное соотношение не прекращавшегося зла, казалось, могло испепелить всех живых существ по каждую сторону горизонта, уничтожить любые непринуждённо стоящие на горячей земле постройки. Возможно, даже завоевавшая себе статус самой протяжённой и величественной за многие века, египтянами, река Нил, благосклонная своей жизненной энергией, иссушилась в мгновение времени на глазах тысячи людей до последней капли живительно-пресной воды.

Наконец, они остановились в одной из ближайших харчевен, отличавшейся доступностью ценовой политики среди бедной прослойки населения. Планировка предприятия заключала в себе наличие различных элементов экстерьера,

чтобы проходящий мимо человек мог понять, к какому роду деятельности принадлежит данная постройка. Что касается общей структуры здания, то оно неуклонно находилось в стандарте обычного жилищного дома.

Главной выделительной атрибутикой наружной таверны на фоне распростёртых песчаных сооружений и однотипно различных растений, посаженных по воображению перфектного садовника является большой глиняный навес, накрытый сверху плотным, хлопчатым одноцветно белым тканевым тентом, закрывавшим под ним людей от бурно палящего солнца. Эта конструкция опиралась на стену, в которой установленный проход вёл непосредственно к кухне.

Сидевшие за одним из четырёх, пустых, перпендикулярно стоявших вдоль левой и правой окраины, столов, товарищи вели активную дружескую беседу.

Вчера мы оговорили изложенные нами идеи, – полушепотом говорил Салах – *и пришли к последней. Осталось лишь понять. Куда?*

И не только – обескуражено добавил Махмуд

– Надо понять; как нам это повернуть, на чём отправляться в путь, сколько это займёт времени и как-ва...? —

Их тихий разговор прервался гостеприимным приветствием ласково приятным, звучным женским голосом, обладавшим лёгким иноязычным букетом жёсткого акцента, доносившимся рядом с ними.

Мужчины посмотрели в сторону стоящего силуэта, окутав его по вертикали своими равнодушными глазами, вдруг переменявшиеся при виде покровительницы Хатор или будто дочери самой Бастет.

Характерное положение тела, а также сжатое, сдержанное по бокам хрупких бёдер руки, с прижатыми к ладоням кончики пальцев, выдавали невинную душу и искреннюю скромность этой молодой простолюдинки или рабыни. Светлая кожа гранатового оттенка бурого разлива с хаотично видневшимися грубоватыми шероховатостями, казалось, обволакивали её бывший нежный слой от неприятной жары здешних мест. По открытым участкам тела, составлявшие большую часть, можно было увидеть мягкие, узко-прямые плечи на незаметно сгорбленной осанки спины. Имевшиеся на шеи кровоподтёки, которые она в силу своей беспомощности, пыталась, не подавая этому вид или какое-то значение, прикрыть от людского глаза. Женская талия подобает типу восточной красавицы, но не характеризует её полноценность, ибо сравнима с рогатой гадюкой, хотя и имеет аккуратную стройность. Худощавые, длинные, а к тому же почти обнажённые не ухоженные ноги доходили от верхней ча-

сти бедра до босых ступней, поэтому можно было без особого внимания рассмотреть их. Пышные густые пряди волос в распушенном да притом ещё слегка растрёпанном виде, доходили до груди, прикрывая их естественный объём, оставляя лишь прилегающие чресла. Что касается нижней части одежды, то на талии девушки была надета короткая набедренная повязка из дешёвой ткани, для которой также характерным являлась обувь тростниковой выделки. Внешность лица могла привлечь взор любого юноши, а именно высокий лоб, вытянутые по ширине глаз брови, глубокие буро-цветные глаза с «кошачьим» взглядом, прямой нос и пухленькие щёчки.

Последний вопрос

Минутное молчание ввело в комичный ступор всех участников мнимого диалога. Разрешить данную ситуацию осмелился Салах, заказав одну хлебную лепёшку, тем самым отогнав недотрогу из разговора. Та же, в свою очередь, робко ушла отдавать полученный заказ.

Товарищи проводили досуг, то в раздумьях, то в банальных бытовых разговорах на темы фельетона для преодоления скуки на протяжении долго идущего времени. Однако к счастью, или скорее к несчастью, оно пролетело мимолётно, ибо Махмуд, не вовлечённый в общение с другом, тихо наблюдал за происходящими в округе событиями. Ему стало настолько не комфортно, что слова, доносившиеся от собеседника, проходили мимо как свет меж тонкого стекла. Но за взором глаза ничего интересного не наблюдалось – такая же картина, что была четверть часа назад без критических изменений. Салах заметил проявление данного безрассудства в своём друге и резко привлёк к себе его внимание:

– Не уходи в забвенье без причин друг —

Своеобразная физиономия араба напомнила полудохлого осла, который с нетерпением ожидал желанного покоя. Что же могло вызвать такое состояние? Чеканя пальцами рук,

Махмуд обратил на него взгляд, затем сказал вялым голосом:

Мне не было никакого дела искать её, даже если такая имеется, лишь чувствуя это... – он замолк на мгновение; потом вернулся в созидание шумного двора, а затем продолжил – *Недопонимание в округе, меня ни коем местом не успокаивает*

В этот момент, в заведение входит незнакомец, чтобы присесть вблизи дальнего угла стола, обращаясь к ним спиной.

Что тебя волнует? – очень тихо спросил его Салах

Тот украдкой оглянул пространство, после чего слегка приблизился к собеседнику...

Конечный рывок

Разговор собеседников прервался в мгновение ока, сделавшись похожим на гулкий шум стоячего водоёма около барельефа дремучего леса. Вместе с ним пришло беззвучие, но лишь суетливое гроыхание доносилось до перепонки наших героев с горячей кухни, и еле уловимый отголосок жизни в древнейшем городе на земле. Трудно можно себе представить настолько безмерную обстановку, тем более на подступах полуденных суток, откуда действительно бурчал барион каирских мужей, перемешиваясь с нежными наказаниями бархатистых жён. Столь жуткое, бездейственное молчание длилось ещё некоторое время, пока встревоженный Махмуд, который пугающе уставился на нивелированного гостя позади своего товарища и периодически старался отводить от него взор, дабы скрыть признаки любопытства, или скорее не дать повода для подтверждения факта слежки, обратился шёпотом к другу со следующими словами:

– Сей вельможа, чья аудиенция побеспокоила меня, всей силой кровавых глаз растаптывает прямоком твой неучтивый стан, что дурно скажет на наши животы —

После услышанного, молодая физиономия Салаха воссоздала удивлённые выражения каждого морщинистого муску-

ла. Видимо, сын Ханбаля счёл утверждения соратника пустыми, глупыми, потому он хотел развернуться в противоположном направлении, однако другой перехватил его намеренье на полпути.

Придержись. – холодно произнёс Махмуд, держа робкой рукой своего любознателя – *Любопытство твоё сделает только хуже, моё nadhir⁴ подсказывает нехорошие события.*

Салах чувствовал, как мужественная ладонь друга со всей крепостью сжимала хилую закорку так, что вокруг этой области образовалось небольшое посинение. Видимо, он нёс в душе глубокие переживания по поводу угнетённого положения. Вскоре приятель ослабил свою хватку, и облокотился на спинку стула, сохраняя прямогу осанки, подобно стволу бамбукового дерева. Несмотря на свалившееся бремя встать на сторону Махмуда, в компании беспочвенных беспокойств, внук рыбака не выплеснул ни единого движения лица, ибо в участнике разговора, в первую очередь, коррелировал не только выпивоха да какой-нибудь собутыльник, а верная опора.

Вместе, брат. – уверенно произнёс Салах – *Кто ежели не я, смогу оказаться должным для тебя по заверению старших богов*

В это время незванный гость, будучи покойным на закромах пустых стволов, внезапно аккумулярировался некоей загадочной случайностью, которая повела фигуру своими постыдными шашками к обществу благородных из благороднейших из людей: чьи имена великолепно происходят от «хвалимый», достойны называться "благочестивый" – Махмуд и Салах.

Тот, кто сидел лицевой осью к человеку в плащевике, беспромедлительно приподнял остекленевший взор, как пугливая косуля от малейшего шороха. Другой же ощущал плохо уловимую дрожь воздушного потока у себя за спиной, то есть предугадывал перемещение некоего объекта. В отличие от араба, мужчина сохранял под своей короткой стрижкой каменное и невозмутимое выражение.

Приветствую вас, граждане священного, привечного города милостивых, карательных богов пустыни, и слуги нашего почитаемого господина – сипло промолвил пришедший собеседник

На этот раз, братья по стакану обращались всем телом на его фигуру, точнее, Салах развернулся полукругом, облокотившись об выступ деревянной лавки. Сначала, он взирал какой-то странной мимикой: глаза точились из-под себя, губы выкрутились в недотрубочку и нос уплотнил собственные

крылья. Потом она переменялась на дерзкую улыбочивость, а затем разразилась тихим хохотом. Картина вырисовывала его опущенную от неуместного веселья голову с такими же падшими веками, что не могло ни вызвать смятение у импульсивного гражданина в серебристом пеплуме.

Что смешного видывал плебей в моих устах? – немного грозно, немного гнусливо промолвил пришелец в сторону задорного мужчины

Конечно, это обескураживало – кому пристало смеяться в столь драматической ситуации. Сын Ханбаля резво оживился, толи от внутренней злобы, толи вавилонского наречия, толи аморального прилагательного в его сторону. Он признавал принадлежность этого человека, потому как наряд говорил о многом, только не о хорошем.

Ему хотелось разбранить гордого ренегата: "Как ты можешь постылеть себя, навешивая наветы на мою голову, изменник"; но вышло более мягкое словосочетание.

От того, – угрюмо начал Салах, обдавая орлиным взглядом – ***что мне не пристало быть услужливым кому-нибудь беспечному хозяину. Я человек, а не подсобный грызун.***

Египтянин словил ехидный взгляд после окончания мо-

нолога. Если бы имелась возможность погрузиться с головой в острые шипы каирского песка, то наш герой предпринял к этому все усилиями, ибо таранить глазами – самая невыносимая вещь.

Не пустословтесть – вульгарно продолжил человек в пепелуме, лукаво чеканя каждое слово – *Я, привратник и мне нужны ваши изречения. Вам видано местоположение хабиру⁵ или тех, кто носит сведенья?*

Это что ли – озадачено переспросил Махмуд – *товарищи... того самого... зятя?!*

Право – незамедлительно воскликнул слуга – *во имя справедливой Маат*

В это мгновение на плацдарме смежных улиц озарился богатый табун дромадер⁶, проходящий единым строем среди крыш песчаных домов. Столь многочисленное стадо не внушало мысли о скорейшем завершении манифеста, а наоборот, навешивало цикличную картину. Наблюдения прервались монологом идиота, полным сарказма и иронии.

– Стало быть, вам на собрата тоже серпа не жалко, пусть хоть под арьергардом некоего вождя —

Мужчина на пару мгновений продавил болезненное хрипение своего низкого тембра голоса не только из-за сухости в жаркую пору, но также в преддверии всякой неортодоксальности характера привратника. Салах без стеснения обратился к нему всей конституцией тела, взгляда, непоколебимой души. Затем, набрав в рот щепотку желанного мужества, продолжил речь.

– А ты? Хватило бы тебе, раб, смелости, чтобы высится над собственным народом? –

Гость опешил после услышанных слов. Очевидно, ренегат не ожидал такой дерзости в свой адрес. Тогда его глаза сделались рубином злости, а дистоническая рука скрылась за пазухой плащевика. Предполагал ли отрок хлебопекаря такой исход? В тени очертился хапеш⁷, который изящно управлялся незнакомцем и уже маячил пред физиономией взволнованного Салаха. Наш Махмуд, сидя в стороне, лишь наблюдал за театральной мракотой.

Иллюзия недомерка

Агрессор продолжал держать кончик острого меча у рыхлой щеки египтянина, который терпеливо следил за отблеском лезвия. Он малость разился, смотрел горделиво, словно великим себя почитал, но слабости рук его подвели, а дрожь начала постылеть сполна. Несомненно, Салах не мог не заметить эту особенность, потому решил плыть по течению событий.

Не радую наглецов, – властно сказал привратник – особенно тех, кто дерзит... Но я без единого сомнения отдам за гроши, сердца сотни рабов, которые порочно уходят от истины нашего Кемета, на радость Анубиса....

Мечник оглянулся на редеющий торговый конвой и убедился, что от него оставался лишь малый хвост зевак, поэтому окружной плац сделался практически безлюдным. В этот момент, ренегат вернулся к обществу славных героев, которые, подобно истуканам, ждали дальнейшего навета. На этот раз, лицо приняло прикладистое искривление, однако прежний типаж держался с титанической перманентностью.

Как тебя именовать? – спросил гость

Назвать одно простое имя. Зачем же недомерку интересоваться такой вот вещью? Вряд ли этот человек будет спрашивать подобное, лишь бы удовлетворить своё любопытство. Или нет???

Мне думается, что это излишнее, ибо к чему утруждать услужливый разум такого выскочку, как вы – ответил Салах в сдержанном порыве.

Глаза недомерка были ошеломлены от непрямого отказа, но он продолжал держать себя в руках. По видимому, ему не хотелось перечить собственному упрямству. Как такой плебей может кому-то уступить?

– *Что ж окажи мне милость, утруди именем твоим*—Переполненный гнева, египтянин хотёл отослать упряма в далёкий «конец» пустыни. Всё же в силу вежливости, он представил своё имя.

– *Салах ибн Ханбаль*—

Теперь слушай – промолвил другой – *тебе придётся дать мольбу за свои слова через поединок. Если конечно ты так веришь в мои павлиньи перья*

Адъютанту вздумалось проучить наглеца за его некор-

ректные высказывания, которых было предостаточно, чтобы дать повод для осуществления дуэли. Из уст неприятеля эта фраза прозвучала весьма нелепо, так как имела в себе оскверняющую силу на взрослого мужчину, но никого не смутила данная несуразица. Может, сыграли эмоции, или самоуверенность, или глупость. В любом случае, последствия могут стать печальными.

Салах двинулся на дуэлянта, пока тот смазливо стоял в ожидании новых перипетий, смело подошёл к нему впритык и сказал, имитируя игривую пылкость.

– Именем Сета это невозможно, мне нóска такóва оружия, как ваше, не по карману, потому я не сто́ю участия в сей роскоши—

Как бы ни пытался наш герой избежать этого мероприятия, у привратника держался весомый супротив. Он ухмыльнулся в ответ, а затем выдвинул:

– Не стоит сейчас прилежно именовать богов это ни к чему, а клинок тебе дадут мои люди. Или тебе предпочтительна секира? –

Вдруг, откуда не возьмись, пейзаж начал набрасывать новые штрихи: люди, которые всё это время представляли собой лишь «кляксы» заблудших зевак, сделались акцентным

элементом однобокой картины. Их тощие глаза тарасились на собеседников. Физиономии инвазивной шайки наполнялись, не то равнодушием, не то угрозой. Воздух вокруг будто бы вспыхнул огненным кольцом от лучей грозного Ра, запечатав в горячей червоточине. Обстановка накалилась до такой степени, что даже Махмуд, будучи инкогнито за столом, начал тревожно смирять незваных гостей. Его тело вскочило с лавки, подобно полоумной ослице. Он ни проронил ни слова, но страстно этого желал, как и безмерно боялся обжечься языком.

Салах тоже успел опешить от коренастого сборища, однако виду подавать не стал. Озираясь, то на соперника, то на людей снаружи, ему всё больше приходило понимание приближающегося сражения – того неизбежного исхода, который был известен лишь нашему герою.

Приму я всё в угоду вам, – ответил сын Ханбаля – пусть будет так: скрестим же братские мечи, накроем трепетом в пыли

Другой, словно не расслышав монолога противника, вышел к своему поприщу. Египтянин мельком спохватился последовать за ним, пока вдруг его не окликнул знакомый голос товарища, тем самым, пресёк попытку переступить порог харчевни. Возможно, именно эта заминка подарила жизнь другу, пусть даже на столь незначительный срок.

Ты примешь бой? – волнительно спросил араб – *позволь мне отыграть весы с твоею болью, пока не поздно, распорядиться волью*

Скрывая в глубине души многогранный поток меланхолических чувств, и такой же обильный водоворот богатства слов, он по стоически глазел сапфирами на крепость тела друга своего.

Нет, мечом к мечу с разбойным атабеком⁸ идти мне надо одиноко, хоть и бледнеть, и гаснуть, не вижу я божественного толка – ответил Салах

Махмуд почесал лысую холку, затем смерив товарища физиономией полной сомнения, продолжил разговор.

– Но ведь в твоём роду необременился кто-то, держать хопеш так стойко—

В единый миг паник наш человек, а отвлечённый взор его направился в песок: оценочную меру огня Кемета своего; однако также быстро прогнал забвения момент. Наконец, промолвил смертник кротко:

– Во имя бога моего, решится никогда не поздно, лишь

было б времени немножко—

В ожидании неравного по силе дуэлянта, привратник стал терять всё эфемерное терпение. Он преисполнился энтузиазма зарезать столь наглого гражданина, подобно кровожадному мяснику в предвкушении большой, пахучей туши. Да обнажённый тесак прямо говорил: *"Твои мне жилы распороть, как булавой орехи расколоть"*. С крупных плеч слетел бархатный плащ, закрывавший под ним толстый нагрудник из крокодильей кожи.

Пробил судьбоносный час. К поприщу пристал наш египтянин, – что вызвало латентное напряжение у всех собравшихся, однако исступление длилось недолго... Из толпы вышел коренастый остолоп, который крепко держал что-то в руках.

Когда разбойник протянул свою мясистую лапу, то можно было разглядеть клинок, а именно блестящее лезвие, словно зеркало под градом солнечных лучей, острие, подобно зубам кинжалозуба и дряблую рукоять. Салах заметил на нём отражение оробевших скул, отчётливо прорисовывавшихся на ковком металле. Сын Ханбаля намеривался выхватить оружие убийства, медленно протягивая ладонь вперёд, но в последний же момент, бандит выбросил его на землю, будто перед ним стояло ничтожное существо, после чего вернулся к стаду. Наклонившись, дуэлянт схватился за рукоять. В тыльные кости впился горячий песок. Острая боль колола

ногтевые складки, как жало зверской пчелы. Тем временем разбойники начали выстраиваться вокруг бойцов, образуя подобие границ предстоящей арены. Она казалась совсем маленькой для выполнения всяческих манёвров, будь то выпад назад или тем более уклонение. Эти ограничения вызывали большие трудности, ибо длинный меч давал приворотнику огромное преимущество: если от колющих ударов ещё имеется мизерная возможность уйти в сторону, то рубящий не давал надежды избежать урона. Наконец, мужчина выпрямился во весь рост.

Начнём? – спросил соперник, принимая полу верхнюю боевую стойку

Закончим—ответил Салах, ринувшись рысью на плебея

Противник вовремя отскочил от мощной колющей атаки. Вторая комбинация более слабая из серии двух боковых и одного прямого не заставила себя долго ждать.

Правда успехов она не дала, а именно машущие были превосходно блокированы, последний же подвергся парированию в результате которого, наш герой получил размашистую оплеуху тыльной стороной кулака. По инерции его пошатнуло назад. В глазах завихрился окружающий мир, волны песка всплывали то вверх, то вниз. В них шумела скрежетая лира, сознание вмиг потеряло контроль над телом. Вот – момент

истины – когда враг уязвим для скорейшего поражения; однако почему то, боец не воспользовался им. Может, хотел растянуть процесс? Или желал выдержать время, ради изящного добивания? Главное, что египтянин сумел сбросить с себя этот оглушительный дурман.

Теперь очередь перешла привратнику, ибо его поведение говорило само собой. Неприятель двигался, словно пантера на лакомую добычу, топоча в одну и другую стороны, ожидая идеального стечения обстоятельств. Предугадать натиск не составляло сложности, лишь бы среагировать правильно, и по возможности, дать достойный ответ. Салах упорно боялся сократить дистанцию, хотя оружие предназначалось именно для такого расклада. Чем дальше он плёлся от мамлюка, тем сильнее тот демонстрировал свой звериный оскал. На расстоянии в четверть прыжка, узорчатый хапеш черкнул участок кожи возле икры. Землю обогригла первая кровь. Раненый боец ощутил ярый зуд, который понёс его вниз, но увидев приближение второго взмаха, пренебрегая болью, сломя голову ударил по лезвию противника. По всей площади, глухим эхом пронёсся звон клинков. Блокировка прошла с такой силой, что ощутимо дестабилизировала привратника. Не упуская случая, сын Ханбаля поразил здоровой ногой его колено, от чего того смачно парализовало. Ушибленное место целовало игольчатый песок.

Неплохо... так... – вырвалось у соперника в прерывистом

дыхание

Другой же намеривался проткнуть недомерка насквозь, однако неведомым образом, у мурмиллона открылось шестое чувство, ибо грациозными движениями, тело врага увернулось от штыка. Ловушка Джокера неминуемо захлопнулась. В этой ситуации, казалось, они обнимаются, как отец с сыном, брат с братом. Правда, в том, что всё было липой. Под ноги участников медленно стекали капли «багровой» смолы, её консистенция напоминала сгусток тёплой энергии – живой энергии. Человек, если можно так именовать, пнул от себя египтянина. Тот упал в оцепенении, смотря на невинное, подобно телу рабыни из харчевни, небо.

Перед Махмудом выстроилась ужасная картина: казавшийся хрупкий стан друга, лежал на песке, брызгая кровавыми слезами – ратный нож уткнулся в плоть ниже ключицы, да так глубоко, что проглядывалась лишь первая четверть клинка. Истекающий пытался извлечь острие, но гадкий сослуживец не хотел выходить.

...*Да недостаточно*—промолвил носитель хопеша идя к поверженному

Когда дошёл, то опустился на здоровое колено и постучал ладонью по головке рукоятки воткнутого меча со словами: "*Дарю*". Искривлённая физиономия Салаха выдавала

закруглённые пируэты боли. Хриплый стон сдерживался до небывалых усилий, поэтому в устах раненого, агония звучала тихим гулением.

Признаюсь тебе Салах, я ожидал меньшего – сказал привратник

Томное пение скрипки трезвонил проклятый Кемет, и мелодично Нил журчал в далёкой стороне, и окрики людские убили наши шепотки. Пока сознание язвиться, нельзя припомнить ту желанную девицу, к которой так прикованы глазницы.

Теперь умри, как подобает настоящему хабиру – чекая каждое слово, он начал делать большой замах меча

Кто знает, возможно, ли всё изменить или обратить время вспять? На этот вопрос не существует истины: "если бы", "может так". К сожалению, бессильный противостоять неминуемой гибели, лежащий выдавил последние слова:

– Мне вольно воином помирать—

Боги стали непредвзятыми свидетелями кровожадного зрелища: тяжёлого тесака, валившегося мощным рывком на предсмертное тело Салаха. В ту же секунду сын Хан-

баля зажмурил загорелые веки, чтобы покинуть живой сосуд прежде, чем испытать последние муки. Перед глазами смертника пронеслась его короткая до ничтожности жизнь, а именно любящий взгляд матери Агдалии, пудренные мукой руки отца Ханбаля, золотистый румянец свежеиспечённого хлеба с душистым ароматом тмина, приятная старческая улыбка беззаботного дедушки Разима, который как никто другой отдавался с головой в своё любимое дело, и, конечно же – верный друг Махмуд – вечная заноза любого праздника. Ну вот раздался зловещий скрежет вражеского клинка...

В какой-то момент ему показалось, что явился Анубис. Казалось, перед ним дышал свирепый зверь, жаждущий проглотить, не разжевывая, увесистое сердце, однако то представлялось лишь больной иллюзией. Египтянин ощутил рядом с собой крепкое плечо мужчины, слышал тревожные акты вдоха, выдоха. Это был Махмуд. Товарищ пылко нёс драгоценного соратника к бесхозной барже, усыпанной каким-то кристаллическим пеплом. Песок, соль, или мука. Что это? Изобилие рыбацких посуды оставалось пришпорено к сухим берегам, а сами рыбаки исчезли, будто мираж. Соплеменник уложил пострадавшего на тростниковую палубу, после чего принялся возиться с вёслами: проверил их целостность, установил по удобству; затем всеми усилиями оттолкнул лодку от стоянки. Медленно, но уверенно судно поплы-

ло по течению. Без раздумий, араб вернулся к своему кровоточащему другу. Самую серьёзную рану закрывал тот самый злободневный клинок. Первым делом пришлось латать мелкий порез – всего лишь несколько обрубков ткани и готово. Работа с последней куда сложнее: эту заразу не получится заштопать только тряпками, здесь необходимо прижигать. Где можно взять «паяльник» в таком то месте? Сначала мужчина малость растерялся от свалившиеся задачи, всё же решение всплыло быстро, а именно расковырять поддон челнока, чтобы достать тонкий слой хорошо горючего папируса, потом разрубить часть гребка, дабы получилась плотная палка, затем примитивным методом разжечь огонь. Отправной пункт списка давался тяжело, ибо плотные брусья царапали аналогичные по размеру лапы. Когда настал черёд отрезать ручку весла, Махмуд заметил на острие изящного кукури⁹ остатки запёкшейся крови.

Всё получится, обязательно – проговорил он вслух, смывая в реке налипшую жидкость

Отмерил нужный отрезок и ловким тычком отделил основание от гребня. Получилось криво, но даже такой срез тоже сойдёт.

— *Непрерменно* —

Заключительный этап оказался весьма лёгким – умелые руки сослужили. Трение породило искру, искра создала пламя, пламя подарило надежду. Именно этот клочок пытался сохранить наш герой, чтобы не потух или того хуже, перешёл на спасительный плот. Мужчина поднёс нож к крошечному языку огня; бочина лезвия стала накаляться. После того как металлический сплав покрылся алым румянцем, араб голой рукой хватанул тленный комок и халатно кинул за борт. Пылающий шар проглотила лучезарная гладь. Махмуд же всей своей физиономией проигнорировал наличие ожога, потому что голову заслоняли мысли о пострадавшем друге. Он пал на колени к товарищу, грубо сорвал с него накидку, обхватил раскалённый кинжал таким образом, что одна рука сжимала рукоять, другая удерживала наконечник.

Потерпи, друг – спешно промолвил Бронзовый

Салаха обременило странное выражение лица: очи закатывались к векам, губы уныло свисали, а по коже градом катился белоснежный пот. По-видимому, организм погружал египтянина в состояние некоего холотропа, чтобы минимизировать последствия неприятной операции. Быстрыми движениями лезвие было извлечено, и рана изрыгнула сливки алой плазмы. Мясистую расщелину тут же обволокла горячая поверхность кукури. Реакция раненого, как ожидалось, сделалась притупленной.

Лишь слабое фыркание пробарабанили цианотичные уста. Теперь сын Ханбаля в безопасности. Остановилось кровотечение, значит дело в шляпе. Если конечно инфекция не заглянет на огонёк, что поможет в таком случаи?

Как такое могло произойти? – спросил Салах

Товарищи переглянулись между собой, после чего араб стал открывать все карты, пока миниатюрная баржа неслась по дельте завораживающего Нила.

ЗА НЕСКОЛЬ ЧАСОВ ДО ОПИСАННЫХ СОБЫТИЙ...

Ну вот раздался зловещий скрежет вражеского клинка – это скрестился изящный хопеш с увесистым кукри. Натиск аккумулировался с такой яростью, что привратник оказался не в силах сдержать его, и поплатился глубоким порезом на румяной щеке. Сдавленный стон издал негодяй, а сам он отпрянул как пугливая шавка. Остальные бандиты не имели возможности подействовать своему вожаку, ибо полигон, в мгновение ока, заволокло неизвестного происхождения алебастровой пылью. В этой до боли мутно-желтоватой параше ни зги не видно: окружные дома сподобились расплывчатым силуэтам. Какова природа этого явления? Может сами боги явили сие чудо? В любом случаи, непредвиденная заминка помогла нашим героям незаметно покинуть бойню

с целью добраться до нынешнего укрытия.

Эпилог

Во имя всех богов, я испытал невероятный гнев из-за страха по твоей бессмысленной кончины. – рассказывал Махмуд—*В конце концов, кто будет партнёром в моём деле?*

На лицах друзей выкатилась широкая до ушей улыбка, напоминавшая маску по-настоящему счастливых людей. Опасность, конечно, могла настигнуть собратьев врасплох, им было всё равно: на банк, разбойников, возможное заражение, даже ту мистическую тень, что омрачала прошлой ночью.

Из тебя ещё тот торгош получится—иронично проговорил Салах

Араб сел за вёсла, после чего начал грести по течению в сторону новых открытий, свершений, впечатлений. Казалось, это судно никто не способен остановить в данный момент, сегодняшний день, идущий год и, несомненно, в этой большой, прекрасной жизни, полной интересных событий и замечательных людей.

*Жизни подобен строптивый скакун:
Много резвиться за делом привычным,*

*Мало возится в задачах обычных,
Хоть и рождён на это мостится.
Смерти же сходен наездник скупой:
Тянет вожжи, словно столбы,
Чтоб кобылицу направить постится,
Бьёт по шлее, будто язвиться,
Ибо быстрее надо стремиться.
Если не будет такого возницы,
Станет кобыла бессмысленно рыться.
Если ездок покинут гнедой,
Значит, не сможет язвиться,
И к чему-то благому стремиться*

ЕГИПЕСКИЙ ПАНТЕОН

Апис – священный бык, олицетворяющий плодородие, лечащий патологические состояния человека

Птах – творец, создавший богов и земной мир

Баал – верховный бог, громовержец и покровитель солнечного света

Анубис – бог погребальных ритуалов и бальзамирования, "страж весов" в царстве мёртвых

Туту – бог, уничтожающий демонов и оберегающий спящих от плохих снов и опасностей.

Ра – верховное божество, олицетворяющий солнце

Хатор – богиня неба, радости, любви, опьянения, материнства, плодородия, веселья и танцев

Бастет – богиня женской красоты, кошек и домашнего очага

Маат – богиня истины, справедливости закона и морального порядка

Сет – бог войны, олицетворяющий мрак